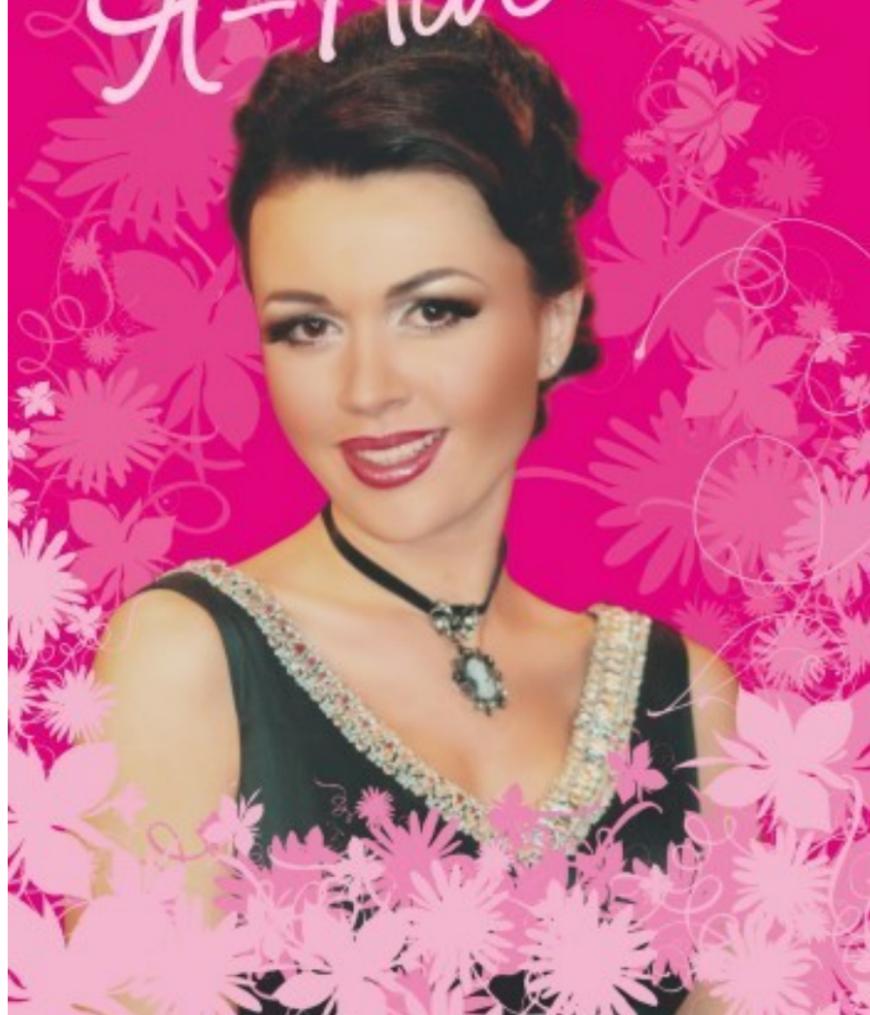

Анастасия
Заворотнюк!
9-Настя!

Анастасия Заворотнюк Я – Настя!

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=184082*

Аннотация

Эта книга написана хорошо известной миллионам зрителей телеведущей Анастасией Заворотнюк. Обаятельная и талантливая актриса рассказывает о своем детстве, творчестве, любви.

Содержание

ПРОЛОГ	4
1.	7
2.	15
3.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анастасия Заворотнюк

Я – Настя!

ПРОЛОГ

29 июля 2004 года в 14.00 я открыла дверь киностудии «Амедия», куда я пришла на кинопробы. Я перешагнула через порог, и этот шаг изменил всю мою жизнь, развернув ее на 180 градусов. Я стала жить как бы по другим законам физики. Поменялась вся структура моего пространства. Изменились правила. И постепенно я тоже стала другой.

В детстве нам всем прочат блестящее будущее. И мы, в юности, мечтаем «показать этому миру». Но с каждым новым днем реальность заставляет нас усомниться в своих силах, способностях и удаче. Каждая черная полоса сбивает нас с пути, и мы рискуем потерять тропинку и углубиться в чащу леса и наломать там дров. Каждая светлая полоса – расхолаживает, как бы дает нам передышку, запрещенными приемами развивая в нас лень и самодовольство. Мы подвержены страстям и слабостям, и это мешает нам достигать своих целей. Со временем наши мечты тускнеют, как выцветшие фотографии, превращаются в объект симпатичные детские воспоминания. Мы лишаем себя мечты, а зна-

чит – лишаем цели. А ведь напрасно.

Сегодня, когда я оглядываюсь назад, для меня моя жизнь выглядит разделенной на две части, а точнее – состоящей из двух совершенно разных жизней. Моя первая жизнь – жизнь обычной женщины, у которой в общем-то было все нормально. Среднестатистически нормально, по убывающей, как это часто бывает. У меня была семья, работа... Но где-то в глубине души это «нормально» почему-то меня не устраивало. Я от этого «нормально» чахла. Медленно, но верно. И вот, однажды, я оказалась перед дверью, перед которой я могла и не оказаться, не мелькни у меня проблеск надежды в нужный момент. И только открыв ту дверь и перешагнув через порог, самый обычный порог, как мне казалось в тот момент, я неожиданно для себя оказалась в «зазеркалье». В совершенно иной, новой жизни. Жизни каких-то других масштабов и понятий. Жизни, которая требовала от меня титанических усилий, доставляла мне новые, более изощренные страдания, но при этом была прекрасна. Жизни, наполненной событиями, описывая которые мне до сих пор не до конца верится, что они действительно случились в моей жизни и происходили именно со мной. Жизни, от которой я бы никогда и ни за что не отказалась. И все это только благодаря надежде, которая не оставляла меня, вела меня до самого порога, к этой самой двери.

В новую Настю я вложила много сил, всю себя если угодно. Несколько раз из-за этого я попадала в больницу. По-

рой мне казалось, да и не только мне – всем окружающим, за исключением моего отца, что я бьюсь головой об стену, что нужно прекратить попытки, чтобы хотя бы спасти свою жизнь и не терзать себя. Были моменты и пострашней, когда стыд или страх парализовывали меня, и казалось, в такие минуты все рушилось до самого основания.

Я всегда старалась не опускать руки и сохранять твердое намерение добиться своей цели. Но я никогда не имела в голове установки «любой ценой». Мне кажется, это опасный, хищный настрой, который человеку моих взглядов, как говорить, «не по карману».

Я благодарна судьбе за то, что рядом со мной были и остаются мои близкие, без внимания которых я бы, наверное, просто физически не выжила. Я их бесконечно люблю.

На создание этой книги меня подтолкнули события в моей жизни, связанные с многочисленными публикациями в интернете и желтой прессе. Я не хочу жить с вопросом «а верят-ли люди в то, что там написано?» и хочу спокойно смотреть всем в глаза. Я хочу рассказать про свою жизнь то, что происходило на самом деле, чтобы раз и навсегда расставить все точки над і.

Искренне ваша, Настя Заворотнюк

1.

Все мое детство прошло в театре. И я всегда знала, что буду артисткой. Точнее – я всегда на это надеялась. Еще совсем маленькой, с трудом выговаривая само слово «артистка», я уверяла всех окружающих, что именно так все и случится: я буду выступать, а все остальные – мне аплодировать. Иногда мне кажется, что я мечтала о сцене с самого своего рождения. И это не так уж и далеко от истины, ведь моя мама была ведущей актрисой астраханского ТЮЗа, а папа – режиссером, правда, не в театре, а на телевидении. Мама была настоящей звездой – мне кажется, она играла там в буквальном смысле слова всю свою актерскую жизнь: с того момента, как она приехала в Астрахань из Арзамаса, и до того момента, как ей пришлось переехать из Астрахани в Москву. Валентину Заворотнюк знал весь город – она играла по три-четыре спектакля в день, исполняла весь спектр ролей – от детских до самых романтических. Ее амплуа – трагести, что в переводе с современного «уличного» искаженного понятия обозначает всего-навсего актрису, которая может играть детей. Мама всегда была такой маленькой, как будто она подросток, такой хрупкой, нежной. И у нее всегда был и остается такой невероятно чистый, не замутненный никаким горьким опытом взгляд огромных глаз. У мамы невероятные глаза – не детские, нет, но при этом широко распахнутые и очень

спокойные. В них столько чистоты, гармонии, ясности. Не знаю, с чем можно сравнить ее глаза. С органной музыкой, наверное, – чистой, проникновенной, возвышенной. Этот ее взгляд – божий дар. Вот она вышла на сцену – и зал замер. И ей удавалось «держать» самую трудную, самую капризную аудиторию – ведь у детей внимание рассеянное, они не размениваются на вежливость – им такое заискивание не свойственно, детям либо интересно, либо нет.

Маме это всегда блестяще удавалось. И что удивительно – мама никогда не менялась. Она как будто застыла в подростковом возрасте и когда она выходила на сцену, будь она Джульеттой или Гердой, для нее на сцене время всегда бежало вспять. Росли поколения, а мама оставалась такой же.

Папа – человек, для которого вся жизнь была сплошным творческим процессом – всегда был моим лучшим другом. С самого рождения он вел себя со мной так, как будто я родилась уже взрослой. Сейчас я понимаю, что это очень правильно, что это и есть самый честный способ общения между отцами и детьми. Ведь общение со взрослыми на равных дает развивающейся личности не только ощущение своей значимости и самостоятельности, но и чувство уверенности, которое так необходимо по жизни, и, главное, чувство ответственности за себя, за свои слова, поступки. Я так и не пережила в полном смысле этого слова перехода из детства во взрослую жизнь, потому что благодаря папе и его отношению

ко мне, я всегда была «уже немножечко взрослая». Папа был очень занят на телевидении, но всегда находил время для меня: мы много разговаривали, постоянно что-то обсуждали, слушали пластинки, которые он приносил. У меня в комнате стоял проигрыватель – мой личный, любимый, хоть и старенький. Особого достатка у нас не было, но папа решил во что бы то ни стало собрать для меня коллекцию пластинок. Он приносил мне бардов, Бачурина, Камбурову... Мы вместе их слушали и потом обсуждали. Та к происходило мое воспитание.

Однажды папа позвал меня к телевизору: – Смотри! Это Анатолий Эфрос. Лермонтов, «Печорин»... Запомни эти интонации!

В общем, он принимал самое непосредственное участие в моем развитии и сейчас я могу точно сказать – та Настя Заворотнюк, которую вы знаете, это немножечко мой папа.

Если папа был моим другом, то мама была предметом моего бесконечного восхищения и ... зачастую моей удачливой соперницей. В детстве я ужасно переживала, когда смотрела спектакли с ее участием: я верила во все ее сценические чувства, снова и снова реагируя на вроде бы знакомые и уже предсказуемые повороты сюжетной линии. Но после спектакля мамыны страдания заканчивались аплодисментами и букетами, а мои страдания продолжались. Я ничего не могла с собой поделать, я переживала за папу – мне казалось, он

должен был ревновать к ее партнерам по спектаклям, особенно, если они были про любовь. Но самым душераздирающим спектаклем для меня был «Ромео и Джульетта». Мама играла Джульетту, а Ромео играл актер, наш знакомый, Юра Минеев. И я была страшно влюблена в Ромео – во время спектакля ждала его за кулисами, залезла к нему на плечи, сидела на нем верхом и каждый раз с большим трудом отпускала его туда, на сцену, к маме. И вот, в один прекрасный день, или, точнее сказать – вечер, мои романтические чувства к Ромео все-таки взяли верх над чувством долга перед театром и я не смогла его отпустить. Юре на сцену выходить, а я вцепилась ему в волосы руками, ногами обвила за шею и не отпускаю любимого. Меня еле оторвали от героя-любовника – в буквальном смысле этого слова, потому что я «вцепилась в него зубами» – укусила за ключицу. Юра закричал, а мама, которая была на сцене, это услышала и сразу догадалась – это я что-то натворила. Единственное, что извиняло меня – это мой возраст. Мне было пять лет.

В нашей семье отношения между родителями и детьми были очень открытыми. Нас не ставили ниже себя, никогда ничего от нас не скрывали. Мы всегда принимали участие в жизни семьи наравне с родителями и я им за это очень благодарна, за то, что они воспитали во мне такую открытость по отношению к миру – впоследствии это оказалось очень важным для меня качеством. Мы постоянно обсуждали про-

блемы несчастной Джульетты, у которой, как известно, вообще кроме проблем ничего не было, с пеной у рта в тысяча восемьсот сорок пятый раз обсуждали Шекспира, спорили о судьбе Неточки Незвановой, о Достоевском, о трактовке образов и героев, музыке, костюмах, декорациях. У творческих людей этот происходит как-то само собой. Тогда, мне, еще ребенку, это казалось вполне естественным, в порядке вещей. А какие разговоры еще могла вести творческая интеллигенция провинциальной Астрахани?

Те м не менее мне казалось, что я живу потрясающе интересной и наполненной глубоким смыслом жизнью. Да что там казалось – так и было! Мою детскую головку переполняли фразы, которые я в силу своего нежного возраста не могла ни понять, не переработать, но они жили во мне. Нам с братом взрослые никогда не говорили: «Идите в свою комнату, дайте взрослым поговорить». Мы были неотделимы от них. А их жизнь была неотделима от искусства. Искусством было все.

Я смотрела на других детей, пыталась вникнуть в их проблемы, говорить с ними на одном языке, и даже притворялась, что мне интересна их детские игры. Я в общем-то играла с ними в поддавки, жалела их, они казались мне ограниченными и оттого несчастными, мне хотелось поделиться с ними тем огромным миром, который был у меня, но для них мой мир был странным. Не скажу, что я была аутсайде-

ром в полном смысле этого слова, но надолго моей дипломатии не хватало. Я всегда говорила с ровесниками немного «не о том», и периодически испытывала на себе стихийную мощь детской жестокости. На самом-то деле ничего особенного не происходило – ну, посмеяться могли, поиздеваться. Но в детстве любая насмешка отпущенная в твой адрес – это страшный удар, который довольно трудно выдержать. Но ведь так трудно, когда все твоё окружение, все самые близкие тебе люди только и делают, что волнуются за Сонечку Мармеладову, и полночи обсуждают нюансы ее поступка. А я, как примерная обезьянка, пыталась в свободное от «работы» в театре и на телевидении время донести это до своих сверстников. Но как я ни старалась, мне так и не удалось объяснить им, что над чувствами нельзя смеяться. А я не могла предать чувства, забыть о них, даже если мне доводилось читать стихотворение перед всем классом. Я входила в роль, беря в пример мою маму, и старалась пережить все, о чем писал поэт. И вот, однажды, в начальной школе, я вышла к доске читать «Белеет парус одинокий». Естественно, в какой-то момент я пустила слезу – стихотворение-то жалостливое.

Вдруг вижу – дети в шоке, весь класс смотрит на меня как на прокаженную или умалишенную или и то и другое сразу, а учительница – и вовсе каким-то таким нехорошим взглядом меня одарила. В ее глазах читалось что-то вроде «ну все, приехали». И тогда я поняла: здесь меня никогда

не поймут. И я училась сдерживаться, старалась, пыталась и что только с собой не делала. Но у меня плохо получалось, хотя я понимала, что в жизни так себя вести – как минимум неприлично, если не сказать больше – вызывающе. И только в одном месте можно было давать себе волю. В театре.

Да, комфортно я себя чувствовала только в кругу единомышленников, в театре или на телевидении. А тем временем «несчастливые и обделенные» дети прекрасно себя чувствовали, и не были им нужны никакие «таити». Они бегали, прыгали и радовались жизни. Но я уже тогда понимала: эта вода – не моя. Мой мир – театр. А о сцене я тогда только грезил.

Лет в пять я всерьез начала готовится к сценической карьере. Казалось, еще немного, и ко мне придет успех и слава. Я обожала французскую музыку. Больше всего – Мирей Матье и Джо Дассена, и в этом выборе я была, скажем так, не оригинальна, но согласитесь, это были ярчайшие представители музыкальной эстрады тех лет. Я и сама мечтала стать певицей, и мне казалось, что дело стоит за одним – мне просто позарез была нужна прическа как у Мирей Матье. Но мама стричь волосы строго-настрого запрещала. И что вы думаете? Если Насте что-то приспичило... В общем, меня в очередной раз отвезли в деревню к бабушке, и я, дождавшись отъезда родителей, стала к ней приставать с просьбой меня постричь «под Матье». «Под каку таку Матье?» – удивилась бабушка. «Ну, под яйцо, ба!» – объяснила я. Под яйцо так

под яйцо.

Что и говорить, с мамой была истерика. Когда она приехала в деревню и увидела меня, у нее сумки из рук попадали. Она весь вечер проплакала. Но я-то была довольна. Ведь я точно знала, как должна выглядеть настоящая певица. И, уж конечно, я точно знала, как надо петь.

Помню, как-то поздно вечером, я сижу в монтажной у папы на телевидении. Мне тогда было лет семь, наверное. Мама в тот вечер играла в спектакле, деть меня было некуда, а папе нужно было срочно для какой-то передачи записать колыбельную песню. И вот, пришла актриса, стала петь. А я сижу, слушаю внимательно, и мне не нравится, как она поет. Не нравится, и все тут. И я на полном серьезе говорю:

– Вы меня, конечно, извините, но петь надо вот так!

И запела. А папа говорит:

– Тихо-тихо... Запишите ее...

Хорошо, что актриса попалась добрая и понимающая – не обиделась на ребенка. Считаю, что нам с папой крупно повезло, потому что наглость, конечно, космическая – вот так вот встрять в процесс. Другая на ее месте могла бы устроить скандал, и была бы в чем-то права. Но эта только усмехнулась. А для меня это было так важно! Это же был мой личный вклад в создание шедевра, мое непосредственное участие в процессе. Я работала!

2.

Своим появлением на свет я, в какой-то степени, обязан своему старшему брату Святославу: когда ему было лет пять, он подошел к родителям с просьбой подарить ему маленькую сестренку Настеньку. Точнее сказать, он обратился с этой просьбой к папе – видимо, мама, как человек, который может подарить ему сестренку, доверия ему не внушала. Когда папа сказал, что одному без мамы ему не справиться, брат очень удивился. Наверное, папин авторитет на тот момент в глазах моего брата пошатнулся.

Те м не менее, когда ему уже было шесть лет, родилась я. И меня действительно, как он и планировал, назвали Настей. Но вскоре после моего появления брата настигло горькое разочарование – иметь маленькую сестренку оказалось не таким увлекательным занятием, как ее придумывать. Ведь когда в семье появляется младенец, все внимание, так или иначе – по крайней мере, большая его часть, автоматически обращено на малыша. Я стала объектом повышенного внимания, а моего, тогда тоже еще очень маленького брата, стали терзать муки ревности. Для мальчишек ведь дух соперничества вообще играет очень значительную роль. Ко всему прочему, его часто оставляли со мной. И это, наверное, тоже наложило свой отпечаток. В общем, брату досталось – за что боролся, на то и напоролся.

Святослав внешне очень отличался от всей нашей семьи – это сейчас он вроде и потемнел, и глаза у него цвет поменяли на более темный, а тогда, в детстве он выделялся среди трех кареглазых брюнетов, своей светлой шевелюрой и невероятно красивыми зелеными глазами. В него были влюблены все девчонки – такого сердцееда еще надо было поискать. У нас в семье всегда шутили, что если бы Святослав не был точной копией мамы нашего отца – одной из наших бабушек, – то нашей маме пришлось бы доказывать свою невиновность.

Помимо внешности, брат отличался еще и своим буйным нравом. Парень так сказать с характером: примерно раз в неделю, не реже, он уходил из дома (когда с узелком, когда без), он постоянно попадал в какие-то истории с членовредительством, играл на гитаре и проводил много времени на помойках. Да, если кому-то нужно было найти Святослава, то все знали, где его искать и где с наибольшей долей вероятности его можно было найти – именно на помойке. Однажды, он и меня взял с собой на помойку – я была потрясена размахом свалки. И я нашла одну вещицу, очень изящную подставку под яйцо – такое блюдечко, из которого торчит как бы рюмочка. Очень красивое, как мне тогда показалось. И вот, я решила играть в Ленина (это тогда было очень модным в детской среде). Я с этой «чашечкой» подходила к брату и говорила: «Владимир Ильич, не желаете ли чайку?», Брат меня отгонял: «Отстань, дура!». А я говорила: «Я не дура, я

Надежда Константиновна!», и снова «Владимир Ильич, может, чайку?».

В общем, я так достала Святослава, что больше на помойку он меня с собой не брал.

Мне ужасно нравилось, когда к брату приходили в гости его друзья – мне было так интересно наблюдать за ними, слушать их разговоры. Я приходила к Святославу в комнату, тихо стояла, прислонившись к стене, и с упоением слушала и смотрела, словно это было кино.

Как я уже говорила – брат играл на гитаре. Он вообще, очень любил музыку, хоть и не пошел вместе со мной в музыкальную школу. Однажды, я сидела и играла – это было уже когда я могла действительно что-то там изобразить на пианино. Та к вот. Я играю. А брат сидит у меня за спиной в кресле и слушает. И я в какой-то момент оборачиваюсь, и вижу – у него слезы в глазах. Ему так хотелось играть, а он не умел. А потом брат сам научился играть – подбирал на слух, у него неплохо получалось. В какой-то момент он даже организовал какую-то группу, сочинял музыку... Стал учить английский, чтобы понимать тексты любимых песен. И вообще, если посмотреть – мой брат всегда был самой настоящей рок-звездой. Со всеми вытекающими.

А что? Девчонки в нем души не чаяли, красавчик, он был определенно оппозиционером всем традиционным укладам и устоям (плохое поведение), он был мальчиком с нестандартным мышлением (помойки), большим любите-

лем подраться (как все приличные рок-звезды), и так далее, вплоть до шрамов. Да, у него была рассечена бровь и... в общем, однажды ему пришивали на место его собственный нос. Это было так.

Я училась, кажется, в первом классе. Сделала уроки и пошла гулять во двор. И вдруг вижу – все куда-то бегут, что-то кричат. Слышу – «Настя! Быстрее! Твоему брату нос отрезало!». Я не поверила, но побежала к школе. А там – толпа народу, дети, скорая помощь стоит... Как выяснилось потом, Святослав в тот день был дежурным – он и его одноклассница остались после уроков убираться в классе. Играли, кидались тряпками. Девочка попала тряпкой в портрет великого поэта Пушкина. Портрет упал, по дороге оторвав почти полностью нос моего брата.

Нос, слава Богу, пришили на место. И из прямого он стал таким итальянским-преитальянским – с благородной горбинкой. Папу вызвали с работы, и он поехал забирать брата из травмпункта, а маме решили пока ничего не говорить – боялись за нее, да и спектакль у нее в тот вечер быть, решили не отрывать. Мама пришла домой поздно – после спектакля. Папа сразу поставил ее спиной к холодильнику и говорит: «Валя, Валечка, только не переживай, все хорошо, но нашему сыну оторвало нос». Валечка как стояла у холодильника, так и съехала вниз.

И брат потом рассказывал: «Я лежу, и чтобы маму не тревожить лишний раз, делаю вид, что сплю. А мама рядом си-

дит, и плачет. И я чувствую, как на меня ее слезки – кап, кап, кап...»

Вот, такой у меня брат. И если бы не эпоха, в которую он родился, и не место, где мы росли – да, если бы он родился, допустим, в Лос-Анджелесе, он бы точно стал знаменитостью планетарного масштаба. Он очень выделялся. Бунт кипел в нем всегда – и мне кажется, что именно из чувства противоречия Святослав поступил в Рыбинское Мореходное Училище и уехал из родного дома в Рыбинск. И это из Астрахани-то, где своих мореходных училищ хватает!

Конечно, в итоге, Святославу не удалось избежать участи всей нашей семьи – он стал режиссером, причем – телевизионным. Он закончил ГИТИС, высшие режиссерские курсы, успокоился, обзавелся семьей. Но я до сих пор считаю, что в нем «погиб» кто-то вроде Джима Морриссона.

3.

Я очень любила танцы – занималась и балльными танцами и современными, даже каким-то брейк-дансом, что-то там пыталась изобразить... Занималась музыкой... Правда, с музыкальной школой было сложнее – мне кажется, какая-то нестыковка у меня с педагогом произошла. Хотя, она была совершенно потрясающей пианисткой. У нее пальцы были какой-то километровой длины – прямо Паганини... Мне кажется, она могла взять, а точнее – «отхватить» – сразу две октавы, не меньше. Но у меня с музыкой что-то не очень пошло, хотя музыкальную школу я все-таки закончила. Я по пять-шесть часов в день занималась, чтобы сдать выпускные экзамены. Но я как-то не готова была посвятить всю свою жизнь музыке. Ведь у меня уже было увлечение – смысл жизни, и это была не музыка. Это был театр. Но мне кажется, именно благодаря своей артистической натуре, я сдавала все свои музыкальные экзамены на 4 и 5. Преподаватели удивлялись (я была не всегда прилежной ученицей), а я знала в чем дело – вот я выхожу на сцену, сажусь за инструмент, начинаю играть Рахманинова – тааа, та-та-таааа-та-таааа... И все – я впадаю в состояние, углубляюсь в него, начинаю чувствовать произведение всеми фибрами своей души, сопереживать, плакать – да все, что угодно. И все преподаватели только и говорили: «Вот – артисткина дочка! Типичный при-

мер». И именно этой своей способности к слиянию с музыкальным произведением я и обязана тем, что закончила музыкальную школу.

И очень даже вовремя, потому что как раз в этот момент ко мне пришла любовь. Седьмой класс, все дела, в общем – началась жизнь. У меня появился молодой человек.

Удивительно, но с первый по пятый класс он был совершеннейшим колобком – самым большим, самым толстым мальчиком в классе. Он был очень смешной. Но никто и никогда его не дразнил. Его уважали, так как он обладал чем-то богльшим, чем-то, что гораздо важнее привлекательной внешности – такой нестигаемой внутренней силой, такой личностью. Даже дети это чувствовали. К тому же, он лучше всех учился, был самым умным. Но потом он вдруг вырос и превратился в красавца. Он представлял из себя нечто такое высокое, красивое, со стальными мышцами, чувственными губами и глазами, в которые хотелось занырнуть и уже никогда не выныривать. Красивый, умный, сильный, лидер. Ну как мне было в такого не влюбиться? Как я могла пройти мимо? Никак. К тому же он всегда любил моих подружек! Сначала он любил Иру Зайкину. Потом он был влюблен в другую мою одноклассницу. В общем, до меня доходила информация о том, что он – достойный кавалер. Я тогда дружила с другим мальчиком – мы вместе гуляли и ходили в кино. Но ничего такого сверхъестественного между нами не происходило. Таня, Оля, Сережа и Юра – вот была наша ком-

пания. Мы как-то тусовались вместе, все были очень хорошими друзьями. Такая у нас была детская дружба – чистая, без ужаса и пошлостей, без «грязного белья» и душераздирающих подробностей. Чистая и светлая. И вот, однажды я здорово заболела – лежала дома, не ходила в школу. И все меня навещали. И он тоже навещал, и помогал мне с уроками, так как был отличником и вообще – самым умным, как я уже сказала. Мы обсуждали все на свете, нам было очень интересно вдвоем, мы были как подружки – нам скорее надо было все обсудить, поделиться последними новостями, на переменках мы бежали друг к другу, чтобы быстрее что-то рассказывать. Мы разговаривали и не могли остановиться. А Таня – его девушка вдруг стала понимать, что парень ускользает у нее из рук. И вот что она придумала: она сказала нашей подруге – соседке Наташе, что вот, мол, они с Сергеем поцеловались. У меня закружилась голова, когда я это услышала. Поднялась температура. Мне стало конкретно плохо. Подростковая наивность не позволяла мне признаться себе в том, что я влюблена, и я не понимала – что это со мной? И когда он в следующий раз ко мне пришел, то стал рассказывать мне о том, что с Таней у них что-то не получается, и все в таком духе... И вдруг я неожиданно для себя поняла, что Тани для него больше нет. А есть я. И это был для меня такой важный момент. Хотя, я понимаю, что Таня на меня обиделась – и ведь было за что обижаться – молодой человек был просто чудесный. Мы всегда бы-

ли вместе, и нам никогда не бывало скучно. Благодаря ему я поборолa множество своих комплексов – ведь я тогда была не совсем похожа на девушку – так, худышка на тонких ножках, не то что остальные. А рядом со мной – такой парень! Я была в восторге. Вообще, я еще тогда начала понимать, что привлекательная внешность – понятие растяжимое и очень субъективное. Вот, например, мужчины считают, что если у них тонкие руки и нет «трехлитровых» бицепсов – значит все кончено, женщины на них даже не посмотрят. А женщинам, по-моему, вообще все равно, какие там у них бицепсы – мы же обращаем внимание совсем не на это. Нам важны глаза, улыбка, интеллект. Ягодицы, в конце концов! То же самое с женщинами – мы делаем себе какие-то невероятные начесы, строим вавилоны на голове, красим губы, ресницы и брови и еще бог знает что, о чем и писать-то как-то даже неудобно. И мы думаем – вот, сейчас приклею себе длинные ногти, поролона в лифчик наложу, наращу волосы до пояса – и все мужики у моих ног. Ан нет. Мужчинам тоже, видимо, подавай глаза и улыбку. Но самое главное в привлекательности – это «поговорить». Самое-самое притяжение возникает, когда слышишь голос, видишь, как меняется выражение лица, как появляются вот эти вот ямочки на щеках, как горят глаза. Можно, мне кажется, даже влюбиться в пластику тела, если в ней есть что-то особенное. Не знаю, почему – ведь говорят, что мужчины любят глазами, но на мой взгляд, идеальная внешность не гарантирует личного счастья. И это

здорово. В этом есть какая-то жизненная мудрость и справедливость.

Я очень рада и искренне благодарна судьбе за то, что моя первая любовь была такой красивой, такой незамутненной никакими ужасами. Что эта любовь не сделала меня моральным инвалидом, не поломала меня и не нанесла мне никакой боли. Она была серьезной, глубокой, романтической – такой, какой и должна быть первая любовь. Мы так любили друг друга, что даже решили пожениться. Сейчас это так смешно вспоминать! Только представьте себе: мой молодой человек на полном серьезе попросил у моей мамы руки и сердца ее дочери. Мы тогда учились в седьмом классе! Он сказал:

– Можно я женюсь на Насте?

Мама ответила, обомлев:

– Хорошо... Но только вы школу сначала закончите, хорошо?

Он пояснил:

– Нет, безусловно, мы немного подождем. Только можно получить ваше согласие прямо сейчас?

Вообще-то родители воспитывали меня в духе высокой морали. Со мной было проведено очень много воспитательных бесед по этому поводу. Конечно, родители всегда были страшно заняты, но у них находилось время, чтобы объяснить мне «про что надо жить». Что важно, а что – второстепенно. Что – хорошо, а что – плохо.

Когда они были заняты на работе: мама – в театре, папа – на телевидении или на режиссерских курсах в ГИТИСе, я оставалась с бабушкой и проводила с ней много времени. С бабулей мы были подругами. Мне почему-то казалось, что я и бабушка принадлежим к одной возрастной категории. Наверное, мне это казалось в основном потому что мы с ней были одного роста, а потом я и вовсе переросла ее. А еще мне казалось, что моя бабушка младше меня из-за ее говора – она очень смешно разговаривала. Кстати, «шоб вы знали», речь моя с детства была очень правильная. В Москве «акают», на Волге – «окают», а в Астрахани говорят ровно. А акцент няни Вики мне пришлось тренировать, чтобы в сериале он звучал гармонично. У меня же лично, хоть я и слушала с детства бабушкин нижегородский говор, никогда не было проблем с акцентом – меня бы просто не взяли в театраль-ный. А бабушка моя окает как волжанка, и по-другому не разговаривает.

Как-то раз по глупости я совершила неосторожность – показала бабушке фильм «Лихая парочка», где я сыграла девушку легкого поведения. И спрашиваю у нее:

– Бабуль, ну как тебе?

А она так развернулась и говорит:

– Тьфу! Стыд-то какой! Ты со мной даже не разговаривай про это!

И ушла. Осудила меня.

Та к что в нашей семье нравы были строгие, особенно, если это касалось взаимоотношений мужчины и женщины. Жизнь потом сама скорректировала эти установки, но они были моим стержнем, без которого очень легко скатиться в крошечный ад. Сейчас я понимаю, что родители вкладывали в меня абсолютно правильные вещи. Не исключено, что воспитание минус жизненный опыт (опыта, к счастью, тогда еще никакого не было – ни позитивного, ни негативного), как раз и сыграли главную роль в моем выборе. Кавалер был идеальный, любовь была идеальная и закончился наш роман красиво.

Меня никто не бросил, не предал, не обидел – не оставил шрамов на моем сердце. Напротив, со мной обращались очень нежно, осторожно и бережно. Я безумно благодарна этому человеку за все, что было между нами. И наверно, это и замечательно, что у нас все оборвалось на самой высокой ноте – я уехала в Москву, а он остался в Астрахани, но мы еще не знали, что вместе нам не быть. Он, как многие сильные мужчины, которые все-таки пытаются доминировать над своими женщинами, не хотел, чтобы я была актрисой. Не хотел меня отпускать в эту профессию, не думал, что я рождена для сцены, так сказать снисходительно относился к моему выбору – словно это была какая-то детская блажь. И я попыталась пойти ему навстречу – поступила сначала на исторический факультет Астраханского университета, но из этой затеи ничего не вышло. Я поняла очень остро тогда – в эту,

обычную, человеческую, обывательскую жизнь я только играла, искусно притворяясь (с богльшим или меньшим успехом), но это была неправда, так жить я не могла. Мне были нужны театр, сцена... Вот, что было для меня истинным и настоящим и гораздо более реальным и осязаемым, нежели обычная повседневность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.